

Материалы к биографиям ученых и инженеров

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. И. СЕРДЮКОВА

В. С. ВИРГИНСКИЙ, М. Я. ЛИБЕРМАН

Личность русского гидротехника 1-й половины XVIII в. Михаила Ивановича Сердюкова (1678—1754 или 1755 гг.), создателя первой из водных систем, соединивших Балтийское море с Волгой,—Вышневолоцкой, настолько значительна, что все новые сведения о его жизни и деятельности представляют большой интерес.

Начиная с 1719 г., когда имя «новгородца, купеческого человека Михайло Сердюкова» было впервые упомянуто в русской печати, о нем неоднократно писали в XVIII—XX вв. Однако, к сожалению, в значительной части этих сообщений подлинные факты были перемешаны с легендами, которые начали складываться еще при жизни изобретателя. Поэтому создание подлинно научной биографии М. И. Сердюкова было связано с большими трудностями. В нашей книге о Сердюкове, изданной в 1979 г. [1], в научный оборот вводилось много новых архивных документов и других неопубликованных материалов, позволивших дать характеристику основных этапов деятельности Сердюкова. Однако в отдельных случаях авторам приходилось опираться лишь на литературные источники, а последние порою, как сейчас выяснилось, дезинформировали нас, а значит, и читателей.

За четыре года, прошедшие после издания нашей работы, были обнаружены новые документы, не только дополняющие материалы о деятельности М. И. Сердюкова и его сына Ивана, но и вносящие в них некоторые коррективы¹.

Это относится прежде всего к вопросу о происхождении Сердюкова, долго остававшемуся спорным в нашей литературе. В середине прошлого века в печати был опубликован портрет старого человека славянского типа, с окладистой бородой и циркулем в руке. Портрет ошибочно выдавался за изображение Сердюкова ([2, с. 279; 3, с. 208—209; 4, с. 692] и др.). В 1957 г., опубликовав репродукцию подлинного портрета Сердюкова, один из авторов этих строк отметил, что он был по происхождению «калмык или монгол» [5, с. 35]. Позднее проведенная нами экспертиза репродукции подлинного портрета, ныне хранящегося в Эрмитаже, подтвердила, что на нем «изображен мужчина, имеющий несомненные признаки большой монголоидной расы» [1, с. 105 и сл.].

Кем был Сердюков, калмыком или монголом? Дело в том, что современные Сердюкову или жившие в конце XVIII в. авторы чаще всего называли его *калмыком* [6, с. 34—35; 7, т. 2, с. 430; 8, с. 256—257]. Даже хорошо знавший семью Сердюковых акад. Я. Я. Штелин дал такое неточное определение: «...калмык, или, собственно говоря, монгол» [9, л. 3]. Все эти сведения побудили нас в биографии Сердюкова, опубликованной в 1979 г., писать о калмыцком происхождении Сердюкова. В XVIII в. жителей нынешней Монголии в России почти не встречали, наиболее известными из монгольских народов были калмыки, проживавшие на обширной территории от Нижней Волги до Алтая. Людей с монголоидными чертами лица часто называли калмыками.

¹ Ценную помощь в привлечении новых источников, относящихся к жизни и деятельности Сердюкова, оказали нам научный сотрудник ЦГАДА В. Г. Бухерт и ленинградский историк техники В. В. Захаров, которым мы приносим благодарность.

М. И. Сердюков (1678—1754 гг.).
Масло. Гос. Эрмитаж

Лишь недавно в наших руках оказались показания самого Сердюкова, данные им осенью 1723 г., во время следствия по подозрению в тайной его принадлежности к расколу. Допрос велся под угрозой церковного проклятия и смертной казни за дачу неверных сведений. На вопрос: «Рождением он которой нации? И в котором городе или уезде или месте родился, и кто именем и отчеством и прозванием и чином отец его был?» Сердюков отвечал: «Рождением он мунгалского народа. Родился он при реке Селинге, в местечке по той реке, называемом Селинге². Отец у него был мастеровой человек, делал седла и луки. И езживал в Китай для продажи лошадей. Имя ему было Имеген, Зонтохонов сын. Которой в прошлых годах, лет с тридцать или болши от российских людей на баталии убит» [10, л. 18]³. Назвал он и свое подлинное имя — Бароно.

Показания Сердюкова позволяют уточнить дату его рождения — 1678 г. (а не 1677, как мы считали прежде).

Бароно воспитывался в ламанетской религии, которую в тех же показаниях называл «тенгерны бурхан». «И в той вере,— добавлял он,— был до двенадцати или до тринадцати с рождения своего лет... И той отеческой своей веры писмен учился до слогов. И от закона часть некоторую знал» [10, л. 18 об.].

В 1691 г. произошел военный конфликт: отряд русских казаков взял в плен группу подданных враждебного монгольского феодала, в том числе и тринадцатилетнего Бароно. Его привезли в Чекойский острог, а оттуда енисейский казак Иван Волосов доставил мальчика в Енисейск. Приказчик торговавшего с Китаем богатого московского купца О. И. Филатьева Иван Михайлович Сердюков, находившийся в этом городе по торговым делам, купил пленного за 10 рублей.

И. М. Сердюков стал крестным отцом Бароно, которому он дал имя Михаил, отчество Иванович и свою фамилию.

Сердюков привязался к своему крестнику. Он готовил из него не слугу, а помощника. Мальчика отдали учить русской грамоте, которую он быстро и успешно освоил. «Догмам и преданиям» новой для него православной веры учил его дьякон енисейской Спасской церкви Сила Михайлов «по книгам, каковы тогда были» [10, л. 19].

Вплоть до 1695 г. Михайло Сердюков жил в Енисейске со своим крестным отцом, все более постигая ремесло торгового человека.

В 1695 г. «приехал он в Москву и был при Сердюкове для научения купечества». Прожив в Москве «месяцев с пять», Сердюков поехал со своим хозяином «в Астрахань и оттуда в Персидскую землю с российскими товарами». Путешествие заняло несколько лет. Лишь в 1700 г. они возвратились в Москву и в том же году поехали в Архангельск «к бывшей тогда ярмарке», а оттуда «того ж года зимним временем возвратились с тамошними товарами в Москву». Михайло Сердюков приобрел уже такой опыт в торговых операциях, что хозяин посылал его одного «в Астрахань и прочие разные места с товарами многожды».

После того как в 1700 г. И. М. Сердюков умер, его крестника и доверенного приказчика, уже хорошо знакомого с торговыми делами, взял на работу московский купец Матвей Григорьевич Евреинов, входивший в корпорацию «гостиной сотни».

² На территории МНР и сейчас на р. Селинге есть населенный пункт Сэлэнгэ. Возможно, речь идет именно о нем.

³ Здесь воспроизводится факсимиле этого ответа Сердюкова, записанного синодальным писарем, с началом собственноручной подписи Сердюкова «Михайло...». Под следующими ответами проставлены остальные слова фразы: «Сердюков — руку приложил». Так же скреплены и все остальные ответы.

1723. ²⁵ Септября ²⁵ Пв. Поиминнаго въ императорнаго вѣдѣствѣ
указу. Историку стѣбнаго праштиславнаго сѣна. Вѣнчано
дѣнцеларіи. Перекладноу Кіу Ратнаго Магистрата Нопгороду чѣвѣчно
сїей Мїхайло Седовичѣ. Допрашиванѣ. Пашушанѣвѣ дѣлшѣвѣ. Ито по
ряжіемъ Септѣмѣ. Сїндрѣстѣмѣмѣ,

и выговоръ плазая.

I.

родженіємъ, онъ докторой нації. Нѣ-
шторой Горды, Нѣшторой, Нѣшторой
родился. Нѣшторой Нѣшторой, Нѣшторой
Нѣшторой, Нѣшторой, онъ Епо дѣ-
Нѣшторой Нѣшторой, Нѣшторой Нѣшторой
Нѣшторой Нѣшторой, Нѣшторой Нѣшторой.

Факсимиле фрагментов записи показаний М. И. Сердюкова во время допроса
23.IX.1723 г.

Евреинов вел обширную торговлю в Астрахани и других отдаленных районах страны, занимался не только торговыми и финансовыми операциями, но и промышленной деятельностью. Впоследствии ему вместе с другими крупнейшими купцами Петр велел переехать из Москвы в новую столицу Петербург.

К этому периоду относится, вероятно, и встреча Сердюкова с Петром I. К сожалению, нам не удалось найти документальных данных об этом событии, оказавшем такое важное влияние на всю последующую судьбу Сердюкова. Сохранилось только описание этой встречи у И. И. Голикова [8, с. 256—257], подробно изложенное в нашей книге [1, с. 25—27]. Версия Голикова содержит ряд положений, опровергаемых вновь обнаруженными источниками. Но сведения, о самой встрече молодого приказчика с царем вполне правдоподобны и косвенно подтверждаются сообщениями других авторов XVIII в.

⁴ Таким образом, цитируемые архивные материалы опровергают мнение, утвердившееся в нашей литературе с XVIII в., что Сердюков в детстве был куплен М. Г. Евреиновым «где-то в Сибири» и воспитывался в доме Евреинова.

вести к самым тяжким осложнениям. Он кратко сообщает: «В том же 1700 году записался он в Новгороде в купечество и торговал помянутого Евреннова товарами по 704, а с того года получил от него свободу и начал торговать собою и своим домом жить от оного купечества. И тот дом имеет он в Новгороде каменного строения и доньяне...». В 1705 г. он женился на дочери новгородского таможенного подьячего Филиппа Константинова Анне [10, л. 19 об.].

* * *

Материалы следственного дела позволяют внести серьезные поправки в существующие представления об обстоятельствах ареста Сердюкова по подозрению в приверженности к расколу.

До сих пор биографы Сердюкова (включая и авторов этих строк) исходили в первую очередь из сообщения Я. Я. Штелина, написанного со слов сына Сердюкова — Ивана [11, с. 433—434].

Согласно этой версии, Сердюков ни в какой мере не был связан с раскольниками. Его арест объяснялся ложным доносом и будто бы произошел без ведома Петра, который сразу же велел освободить Сердюкова, как только узнал об этом деле, и лично допросил Сердюкова [1, с. 51—53].

Новые документы показывают, что дело обстояло иначе.

Напомним, что правительство Петра вело в 10—20-х годах XVIII в. ожесточенную борьбу с расколом. В раскольниках видели «лютых неприятелей, и государству и государю непрестанно зло мыслящих». Сама по себе принадлежность к расколу делала человека в глазах властей подозрительным и требовала постоянного надзора за ним.

Официально разрешалось быть раскольником при условии уплаты двойного подушного оклада и обязательной регистрации («записи в раскол»). Гражданские права раскольников ограничивались. Им запрещалось занимать официальные должности, а с 1722 г. они обязаны были носить особую, нелепо выглядевшую старинную одежду с красным стоячим воротником.

Проповедь старообрядчества, а также уклонение от переписи и уплаты двойного оклада жестоко карались: «раскольников необратных и замерзлых» пытали, били кнутом и, вырвав ноздри, отправляли на каторгу.

Для выявления раскольников всем жителям было предписано ежегодно исповедоваться. Поскольку многие раскольники все же упорно уклонялись от переписи, Синод назначил особых военно-полицейских «сыщиков» в губернии, где раскол был значительно распространен. В частности, в Новгородскую губернию был направлен «раскольниковских дел порутчик» Иван Коптелов.

Сердюков следующим образом характеризовал деятельность Коптелова в Вышнем Волочке: «Жителей многих, по делам ли их или напрасно, только жестоко держит в учрежденной в ямском дворе конторе и поступает к людям божим весьма жестоко» [10, л. л. 1а—16; 12, стлб. 466].

Готовился Коптелов расправиться и с самим Сердюковым, о чем «многим людям объявлял страшливые слова», а 29 июля 1723 г. послал капрала с солдатами, чтобы арестовать его.

Что же дало повод Коптелову принять подобные меры против Сердюкова? Обладая большой любознательностью, Сердюков интересовался догматическими и обрядовыми спорами старообрядцев с господствующей церковью. Свирепые преследования раскольников со стороны духовных властей казались ему необоснованными. Он встречался со старообрядцами, некоторых держал у себя на работе и, как потом сам признавался Петру в своей «челобитной», «говаривал с ними многожды и от таковых разговоров имел в себе сомнения», добавляя в качестве оправдания: «...за незнанием истинны по своему иноземчеству» [10, л. 35; 13, л. 380].

У него было собрание книг духовного содержания — старопечатных и рукописных, в том числе и запрещенных к хранению. Когда нижегородский архиепископ Питирим, коварный и жестокий гонитель раскола, вызвал местных старообрядцев якобы на мирное богословское прение, а потом заставил насилем и угрозами признать его правоту, когда расколуучитель дьякон Александр за жалобу на действия Питирима был казнен. Сердюков на обеде у сподвижника Петра, генерал-адмирала Ф. М. Апраксина высказал мнение, что лучше было приводить раскольников к покаянию путем убеждения.

В течение ряда лет Сердюков не посещал местной церкви, не говел, не исповедовался. Именно «нерадение» к исповеди дало Коптелову формальное основание к аресту Сердюкова по подозрению в тайной приверженности к расколу.

Но это не соответствовало действительности. Нечего и говорить, сколь чужды были ему, убежденному стороннику петровских преобразований, антиправительственные настроения раскольников, их вражда к петровским нововведениям. Сердюков пришел к выводу о несостоятельности и собственно религиозной стороны их учения. Отрицательное впечатление производило на него наличие у раскольников множества сект, «великих несогласий и розни». Он готов был снова иметь «прилежание» к официальной церкви, хотя с церковными властями (в частности, с новгородским архиепископом Феодосием Яновским) отношения у него были натянутые: трения между Сердюковым и Феодосием начались давно, еще в бытность последнего архимандритом Александро-Невской лавры.

Впрочем, он все же предпочитал иметь дело с Феодосием, занимавшим также должность вице-президента Синода (а это учреждение находилось под неослабным контролем самого Петра), чем с военной командой сыщика-вымогателя Коптелова. В течение почти двух месяцев Сердюков уклонялся от насильственного привода в новгородскую «раскольниковских дел контору» и в то же время хлопотал в Синоде, чтобы его дело рассматривалось там «духовным чином», причем «кротостию», а не «военною рукою» [10, лл. 1а—1б; 12, стлб. 467].

Как и рассчитывал Сердюков, Феодосий должен был доложить о его деле Петру. Последний приказал доставить Сердюкова в Петербург, в Синод. Это было выполнено 20 сентября 1723 г. Сердюков содержался под таким крепким караулом, «как в важных делах по военному артикулу», но отдельно от остальных заключенных, «в собственном месте» [10, л. 6; 12, стлб. 468].

Допросы Сердюкова начались 23 сентября и продолжались до ноября. Его допрашивали по 32 пунктам, причем последние три касались отношения Сердюкова к учению дьякона Александра и личности казенного расколоучителя. Петр, внимательно следивший за следствием, придавал этим пунктам особое значение.

Сердюков вначале просто отрицал свою принадлежность к расколу какого-либо толка, в том числе и к «дьяконовщине», а «нерадение» к церкви объяснял «неимением времени говеть по торговым делам». Однако Петр потребовал, чтобы Сердюков представил ему полное и чистосердечное признание о своем отношении к расколу. 14 ноября Сердюков в «челобитной» на имя Петра, как уже указывалось выше, сообщил «всю истинну». Он признался в своих многократных беседах с раскольниками и появившихся у него «сомнениях». В конце «челобитной» Сердюков заверял Петра, что сейчас он считает себя «сыном церкви» и «впредь расколу и противности церкви не желает».

Еще полтора месяца подвергали Сердюкова допросам. Наконец, 29 декабря 1723 г. синодальные советники объявили словесный указ Петра, «чтоб содержащемуся при Синоде под арестом, признаваемому в подозрении раскола новгородцу, посадскому человеку Махайлу Сердюкову вину его отпустить, приведши его по обыкновению к присяге, и потом исповедать, и св. тайн приобщить, и по исполнении всего из канцелярии Синода из-под ареста его освободить» [10, л. 37; 12, стлб. 473].

Такое решение Петра означало, что Сердюков не утратил его доверия.

Оставалось лишь выполнить церковные формальности. Сердюков подписал подобное обязательство в том, что впредь не станет «никакого расколу иметь», не будет знаться с раскольниками ни тайно, ни явно, не будет хранить раскольниковских книг и т. д. 6 января в Петропавловском соборе столицы Сердюков принес публичную присягу, в которой «в самых крепких терминах» отвергал и проклинал раскол и все его толки.

После этого он вернулся в Вышний Волочек.

* * *

Обнаружен ряд новых документов, относящихся к различным сторонам производственно-технической деятельности Сердюкова. В своей книге мы упоминали первое «доношение» Петру о необходимости приведения в порядок вышеволоцких шлюзов и Тверецкого канала, составленное Сердюковым совместно с Я. Н. Корсаковым [1, с. 33].

Однако в то время этого документа в нашем распоряжении не было. Теперь мы им располагаем и можем точно датировать его составление. У Якова Никитича Корсакова (р. 1680 г.) были основания поддержать инициативу Сердюкова. Выдвинувшийся благодаря своей энергии и расторопности, а также покровительству А. Д. Меншикова, Корсаков в 1711 г. был назначен вице-губернатором Петербурга.

С Сердюковым у него установились деловые связи. Так, например, в 1714 г. Корсаков писал Сердюкову: «Получа сие письмо, отдай немедленно иноземца, который каменное делает, посланному от архимандрита Феодосия без всякого задержания» [14, л. 81]. По соблазнительному примеру своего патрона (и, вероятно, отчасти в интересах последнего) Корсаков оказался виновным в денежных злоупотреблениях. С «сердечным другом Данилычем» Петр обычно в этих случаях келейно расправлялся дубинкою. Корсаков же в 1715 г. был публично бит кнутом и отправлен в ссылку с конфискацией имений.

В дальнейшем Петр простил Корсакова, но приказал при этом «вины свои заслуживать». Корсакову была поручена заготовка корабельного леса. Он писал Петру, что стремится всемерно «показать свое радение и труд на пользу государственную» во искупление прежних преступлений [15, лл. 469—470]. Когда осенью 1718 г. Корсаков приехал в Вышний Волочек и Сердюков поделился с ним своими идеями о способах улучшения местного судоходства, Корсаков посоветовал ему обратиться к Петру и охотно выступил в качестве «соавтора» такого полезного предложения.

В доношении от 21 октября 1718 г., подписанном «Яков Корсаков да новгородец Михайла Сердюков», имя Корсакова стоит на первом месте [15, л. 467].

* * *

В нашей книге остались почти неосвоенными занятия Сердюкова судостроением. Суда он строил как для собственных надобностей (доставка различных грузов по подрядам в Новгород и Петербург), так и на продажу. На примере его предприятий можно проследить развитие различных форм организации производства и типов оборудования ранней ступени мануфактурного производства.

Сердюков производил заготовку необходимого леса, нанимал рабочих, вытесывавших доски из целых бревен, затем пиливших доски вручную. Он нанимал мастеров и работных людей, которые строили барки, или сдавал постройку барок с подряда кому-либо из мастеров⁵.

В 1720 г. Сердюков построил первую вододействующую «пильную мельницу» о двух рамах. 2 ноября 1720 г. он сообщил об этом техническом нововведении Петру [19, л. 285]. Однако оказалось, что лесопилка работает неудовлетворительно, и Сердюков обратился к А. Д. Меншикову (который в то время был в Москве) с просьбой прислать мастера для ее наладки. 16 марта 1722 г. Меншиков послал в свою Петербургскую контору «указ»: «По получении сего служителя нашего пильного подмастерья Петра Иванова пошлите на Вышний Волочек к новгородцу Михайлу Сердюкову на время, которого он, Сердюков, будет содержать на своем коште» [19, л. 21]. Работа лесопилки была налажена.

Сердюков занимался судостроением и по заказам правительственных учреждений. Так, в начале 1724 г. он получил приказ от кабинет-секретаря Петра I А. В. Макарова построить большую барку. В письме от 24 марта Сердюков сообщал Макарову, что «судно делаетца длиною по дну 77 футов (23,50 м.—В. В. и М. Л.), а шириной 20 футов (6,10 м.—В. В. и М. Л.), а в нем жилых три светелки с аконицами, каждой светелки по 15 футов (4,57 м.—В. В. и М. Л.), да в носу и в корме по каюте по 12 футов (3,65 м.—В. В. и М. Л.). А на помянутом судне гребцов поставить можно по 30 человек» [20, л. 499].

Подобные же правительственные заказы Сердюкову продолжались и при преемниках Петра I [см. 21, л. 2].

⁵ В Государственном Русском музее в Ленинграде хранятся рисунки барок, которые строил Сердюков. На рисунке 1719 г. изображена «Сердюкова старая карбазина» [16, № 1494], а на другом рисунке (№ 1498) изображена «Сердюкова указная барка», т. е. судно, построенное в соответствии с указом Сената от 8 апреля 1719 г. о постройке в Вышнем Волочке судов нового образца [17, с. 690].

Мы упомянули в этой статье лишь о некоторых из многочисленных новых документов, обнаруженных за последнее время и относящихся к различным аспектам жизни и деятельности выдающегося русского гидротехника XVIII в. Розыски выявляют все новые материалы биографии этой поразительно одаренной личности — монгольского мальчика, нашедшего в России вторую родину и неизменно стремившегося прилагать свой труд «для государственной и всенародной пользы» [22, л. 346 об.].

Литература

1. *Виргинский В. С., Либерман М. Я.* Михаил Иванович Сердюков. М.: Наука, 1979.
2. *Данилевский В. В.* Русская техника. Л., 1948.
3. *Данилевский В. В.* Русская техническая литература 1-й четв. XVIII в. М.—Л., 1954.
4. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954.
5. *Виргинский В. С.* Творцы новой техники в крепостной России. М., 1957.
6. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. Ч. 3, М., 1903.
7. *Blum K. L.* Ein russischen Staatsmann: Der Gr. Jacob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. Bd 1—4. Heidelberg, 1857—1858.
8. *Голиков И. И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. XVII, М., 1796.
9. ГБЛ. Отд. рукописей, ф. 871. Штелин Я. Я. № 10.
10. ЦГИА, ф. 796, оп. 4, д. 449/370.
11. *Штелин Я. Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1786.
12. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св. Прав. Синода. Т. III. СПб., 1878.
13. ЦГАДА, ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II, оп. 3, кн. 65.
14. ЦГИА, ф. 815, оп. 2, д. 4. Описание архива Александро-Невской лавры.
15. ЦГАДА, ф. 9. Отд. II, оп. 3, кн. 36. лл. 469—470.
16. ГРМ. Отд. рисунков.
17. ПСЗ. Т. V. № 3345.
18. ЦГАДА, ф. 9. Отд. II. оп. 3, кн. 48.
19. ГБЛ. Отд. рукописей, ф. 166, карт. 15, д. 3.
20. ЦГАДА, ф. 9. Отд. II, оп. 4, кн. 68.
21. ЦГАДА. Госархив, разр. XI, д. 487.
22. ЦГАДА, ф. 248, оп. 15, кн. 810, д. 1.